

А. А. Волкова**«МИФ О ЦЫГАНСКОЙ ЖЕНЩИНЕ»
КАК КВИНТЭССЕНЦИЯ МЕЧТЫ О СВОБОДЕ
В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА И МЕРИМЕ***Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...*

А. Блок

Искусство цыган является органичной частью мировой культуры. Цыганские романсы, популярные еще в начале XIX века, прочно вошли в русский фольклор и любимы по сей день. Танец и музыка испанского фламенко до сих пор завораживают зрителя и слушателя. Цыганская поэзия и цыганский танец во все времена привлекали внимание поэтов, писателей, музыкантов, художников, которые тщетно пытались постичь притягательность, таинственную силу и мудрость этого народа.

Обращаясь к теме цыганской культуры, поэты и писатели, создавали утопический образ цыганки как квинтэссенцию романтической мечты о свободе и собственного понимания этого загадочного племени. Такой феномен Н. Бессонов называл «мифом о цыганской женщине» [см.: 1].

Один из первых ярких образов цыганки был создан М. де Сервантесом еще в XVII веке в новелле «Прекрасная цыганка». Далее можно проследить генезис образа: Земфира («Цыганы» А.С. Пушкина), Сара («Цыганка» Е. А. Баратынского), Кармен («Кармен» П. Мериме),

Эсмеральда («Собор Парижской Богоматери» В. Гюго), Радда («Макар Чудра» М. Горького). Необходимо также назвать писателей и поэтов, которые в своих произведениях обращались к цыганской теме, будь то общее изображение цыган или создание самобытного образа представителя этого народа. Среди них: И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков; Ж. Санд, Б. Стокер, Г. Г. Маркес, Т. Готье и Ф. Г. Лорка; Я. Полонский, М. Языков, В.Г. Бенедиктов, А. А. Фет, А. Блок, М. Цветаева и С. Я. Маршак.

Поскольку одной из основных задач нашего исследования* является обзор и анализ обширного материала по теме образа цыган в мировой литературе, следует проанализировать различные пласты литературного материала XVII–XXI веков. Однако в рамках ограниченного объема статьи не представляется возможным дать подробную оценку даже небольшому

* Настоящая статья является частью более крупной работы, посвященной вышеуказанной теме.

количеству текстов; поэтому внимание здесь привлечено к двум ярчайшим образам, созданным в XIX веке и прочно вошедшим в мировую классическую литературу. Думается, что анализ культурно-исторических предпосылок создания литературных произведений, посвященных образам Земфиры и Кармен, помогут лучше понять природу романтизации темы цыганства в мировой литературе.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ПОЭМЫ «ЦЫГАНЫ» (РОССИЯ, XIX ВЕК)

В Москве и Санкт-Петербурге цыгане появились еще в начале XIX века. Они служили хористами у графа Алексея Орлова-Чесменского и были свободны от крепостной зависимости. Именно он еще в XVIII веке ввел «моду на цыган». Управителем хора графа Орлова был И. Соколов, солисткой — знаменитая певица Степанида Солдатова или, как ее называли поклонники, русская Каталани.

Обосновавшись в обеих столицах, цыгане занимались пением и танцами, образуя профессиональные цыганские хоры. Многие представители русской аристократии были их частыми посетителями и любителями такого времяпрепровождения. Репертуар московских и петербургских цыганских хоров с самого начала состоял из русских песен и романсов. Таборная цыганская песня утвердилась несколько позже. «Почти сто лет держалось увлечение цыганской песней, — отмечал А. И. Куприн. — Недаром же этому увлечению отдали искреннюю и страстную дань два самых великих русских человека девятнадцатого столетия: один — озаривший его начало, другой — увенчавший его конец. Один — Пушкин, другой — Толстой» [2, 160]. В то время в подмосковном Перово был открыт трактир, где выступал цыганский оркестр. Позднее хоры цыган начали выступать в известных ресторанах «Яр», «Стрельна», «Мавритания», «Эльдорадо».

Элита Российского государства XIX века была увлечена цыганами и цыганками. Поэты в своих стихотворениях воспевали прекрасных представительниц цыганского племени (Г. Р. Державин, Н. М. Языков, Е. А. Баратынский, В. Г. Бенедиктов, Я. Полонский, А. А. Фет). А. И. Куприн писал: «Вспомним многих носителей знатных имен, клавших к ногам цыганок свои гербы и родовые состояния, увозивших их тайком из табора, стрелявшихся из-за них на дуэлях... Было, стало быть, какое-то непобедимое, стихийное очарование в старинной цыганской песне, очарование, за-

ставлявшее людей плакать, безумствовать, восторгаться, делать широкие жесты и совершать жестокие поступки» [2, 161].

Многие дворяне и состоятельные разночинцы связывали себя узами брака с певицами из цыганских хоров: Так, С. Н. Толстой, брат Льва Николаевича, женился на цыганке М. М. Шишкиной (с которой ранее жил в гражданском браке); Д. Данченко вышла замуж за князя Ф. П. Масальского, Л. Морозова — за князя Витгенштейна. С другом А. С. Пушкина П. И. Нащокиным жила Ольга Андреевна, дочь знаменитой Стешы Солдатовой. Именно в таких исторических и культурных условиях и возник образ цыганки Земфиры в поэме «Цыганы».

Проследим развитие интереса к цыганам и цыганской теме в жизни и творчестве Пушкина. В 14 лет он написал роман «Цыган», который до нас не дошел. Поэт часто ездил к цыганам, как к хоровым, так и к таборным. Перед самой женитьбой на Н. Н. Гончаровой новый, 1831 год, поэт встречал не с ней, а в обществе цыган; тогда же стал крестным отцом внучки знаменитой цыганской певицы Стешы.

В 1832 году Пушкин пытался перевести на русский новеллу Сервантеса. М. Ф. Мурьянов отмечает: «Единственный документ, свидетельствующий о занятиях Пушкина испанским языком, является черновиком его пробы перевода новеллы Сервантеса «Цыганочка» [6, 399].

В пушкинской биографии существует несколько эпизодов, наиболее ярко отражающих отношение великого поэта к цыганам. Во время кишиневской ссылки 1820–1824 годов он познакомился с бессарабскими цыганами. Мурьянов пишет: «... Заведомо вредя своей и без того скомпрометированной репутации чиновника Министерства иностранных дел, пляшет на народных праздниках под цыганскую музыку и однажды исчезает на несколько дней, в течение которых кочует с табором в Буджакской степи...» [6, 399].

Сохранились воспоминания знакомой Пушкина, записанные Ралли-Арборе, где рассказывается о молодой цыганке Земфире, в которую был влюблен Александр Сергеевич. Великий поэт провел в таборе три недели, жил в шатре вожака, ухаживал за его дочерью. Их роман кончился ничем, поскольку молодая цыганка пропала. Ее близкие уверили Пушкина в том, что она сбежала со своим возлюбленным цыганом, который некоторое время спустя якобы зарезал ее из ревности. Точные данные об этих событиях отсутствуют, однако, известный литературовед Б. А. Трубецкой считает их вполне

правдоподобными. На таком фоне в 1824 году появляется поэма «Цыганы».

Уже живя в Москве, в доме своего друга П. И. Нащокина, Пушкин познакомился с цыганкой Таней Демьяновой, которая в тот момент была солисткой хора Ильи Соколова и дружила с цыганкой Ольгой Андреевной, возлюбленной Нащокина. Татьяна подружилась с Александром Сергеевичем. Впоследствии она вспоминала: «И стал он с тех пор часто к нам ездить, один даже частенько ездил и как ему вздумается — вечером, а то утром приедет. И все мною одной занимается, петь заставит, а то и просто так болтать начнет, и помирает он: хохочет, по-цыгански учится. А мы все читали, как он в стихах цыган кочевых описал» [4, 68].

Пушкин обещал и о ней написать поэму. Именно Таня Демьянова гадала поэту перед свадьбой и пела песню. Современники отмечали, что он плакал, обхватив голову руками. Сама Татьяна Дмитриевна говорила об этом так: «Пою я эту песню, а самой-то грустнехонько, чувствую и голосом то же передаю, и уж как быть, не знаю, глаз от струн не подыму... Как вдруг слышу, громко зарыдал Пушкин. Подняла я глаза, а он рукой за голову схватился, как ребенок плачет...» [4, 69]. Цыганка Таня на всю жизнь запомнила Пушкина. Дожив до глубокой старости, она всегда вспоминала о нем с умилением и слезами.

ОБРАЗ ЦЫГАНКИ ЗЕМФИРЫ

Существует множество реальных историй и интересных легенд, подтверждающих глубокое увлечение поэта кочевым народом. В 1924 году была написана поэма «Цыганы», которая считается «венцом» южных поэтических сочинений Пушкина и знаменует переход от романтического творчества великого поэта к реалистическому. Это обусловлено тесной связью поэмы с самобытной интерпретацией Пушкиным романтического канона. Так, если в южных поэмах он стремился к поэзии необычного, то в «Цыганах» его, главным образом, влечет поэзия повседневного. Цыганский народ необыкновенно точно и ярко описан в поэме. Образы цыган воссоздаются в подробно очерченных типических обстоятельствах:

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.
Как вольность, весел их ночлег
И мирный сон под небесами;

Между колесами телег,
Полузавешанных коврами,
Горит огонь; семья кругом
Готовит ужин; в чистом поле
Пасутся кони; за шатром
Ручной медведь лежит на воле [7, 62].

Быт и нравы «дикого племени» рисуются в блистательно точных описаниях, удивительно кратких и насыщенных. Но при этом жизнь цыган лишена идеализации. Пушкин неоднократно отмечает их бедность:

Толпа валит в пустых равнинах.
Ослы в перекидных корзинах
Детей играющих несут;
Мужья и братья, жены, девы,
И стар и млад вослед идут;
Крик, шум, цыганские припевы,
Медведя рев, его цепей
Нетерпеливое бряцанье,
Лохмотьев ярких пестрота,
Детей и старцев нагота,
Собак и лай и завыванье,
Волынки говор, скрип телег,
Всё скудно, дико, всё нестройно... [7, 64]

Подобным образом развенчивается романтический ореол абсолютной свободы и патологической влюбленности в волю, столь характерных для романтического героя. Это, в частности, связано с образом свободолюбивой цыганки Земфиры. Почти с первых строк поэмы автор знакомит нас с ее нравом:

Его молоденькая дочь
Пошла гулять в пустынном поле.
Она привыкла к резвой воле... [7, 62]

Мгновенно и своенравно увлеклась она Алеко, которого сама привела в табор и с которым сошлась без всяких обрядов и обязательств:

Он будет мой:
Кто ж от меня его отгонит? [7, 63]

Два года была она ему «подругой», но затем его любовь ей прискучила:

Его любовь постыла мне.
Мне скучно; сердце воли просит... [7, 70]

Образ Земфиры лишен идеализации, которая так характерна для Пресьосы Сервантеса. Пылкий, своевольный характер Земфиры проявляется лишь в чувственной страсти. Любя

«шутя», она руководствуется стихийными желаниями, лишёнными контроля разума и освобожденными от требований морального свойства. О подобной любви ее отец говорит Алеко:

Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское — шутя [7, 72].

Абсолютная свобода в любви, как она описана в действиях Земфиры и Мариулы, оказывается страстью, не создающей между любящими духовных связей, не налагающей никаких моральных обязательств. Но в этом нет исключительности: Земфира повторяет путь своей матери Мариулы, о непостоянстве которой старый цыган говорит:

...только год
Меня любила Мариула [7, 73].

Ради любовной страсти мать Земфиры пренебрегла брачно-семейными обязательствами, даже материнским долгом, разбив судьбу старого цыгана:

И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Мариула [там же].

Алеко не может принять свободу, которая наполняет души и жизнь цыган. Вечный конфликт между естественностью и цивилизованностью в поэме ярко обрисован Пушкиным. Алеко чужда безграничная свобода, ибо он собственник. Ему незнакомо всепрощение и непротивление событиям жизни, характерные для старого цыгана, который пытается убедить Алеко относиться к жизни философски:

К чему? вольнее птицы младость;
Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь [там же].

Но Алеко не в силах справиться с чувством ревности и недоверия к жене, он говорит Земфире:

Ах, я не верю ничему:
Ни снам, ни сладким увереньям,
Ни даже сердцу твоему [7, 71].

Земфира же сопротивляется той несвободе, которой Алеко стремится ее ограничить, тем семейным узам и обязательствам, которые навязаны ей героем. Это душевное сопротивление молодой цыганки особенно ярко отразилось

в песне. Она жестоко объявляет Алеко: «ты сердиться волен, я песню про тебя пою» [7, 69].

Песня Земфиры «Режь меня, жги меня», органически связанная с сюжетобразующими персонажами и раскрывающая характер главной героини, представляет перевод молдавской народно-хороводной песни, не являясь по своей природе цыганской. Но именно она была так важна Пушкину для передачи сильных и бунтующих чувств своей героини. Даже погибая, Земфира не раскаивается в своих поступках:

Нет, полно, не боюсь тебя! —
Твои угрозы презираю,
Твое убийство проклиная...
...Умру любя... [7, 77]

Земфира (как и ее мать) воспринимает волю как естественную вседозволенность. Все в ней подчинено естественному инстинкту, она — носительница древнего духа изначальной безбрежной свободы. Не задумываясь, она отдается ничем не сдерживаемой любовной страсти сначала к Алеко, потом к молодому цыгану. Земфира не просто свободолобива и своенравна — она и есть сама необузданная свобода или мечта о ней, ничем не ограниченная, ничему не подчиняющаяся. Убивая Земфиру в конце поэмы, Алеко навсегда разрушает мечту о воле в самом себе, добровольно отдаваясь в руки цивилизованного мира, где все лишены права на личную свободу и мечту.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ НОВЕЛЛЫ «КАРМЕН» (ФРАНЦИЯ, XIX ВЕК)

Исследуя возникновение образа цыганки в творчестве Проспера Мериме, можно выявить несколько факторов, повлиявших на писателя. Во-первых, с 1830 по 1845 годы было написано большое количество новелл, посвященных истории и этнографии других народов, отличных от европейских по менталитету и культуре. В указанный период были созданы такие произведения, как «Матео Фальконе», «Таманго», «Коломба», «Кармен». М. Ю. Лотман писал: «Экзотика, фантастика и мифология Меримо всегда точно приурочены к географическому пространству и неизменно окрашены в отчетливые тона *couleur locale*. «Корсиканский» миф, литературно-мифологическая Испания, Литва последовательно появляются на страницах повестей Меримо» [3, 47].

Мериме не интересуют центры цивилизации, большие города, полные светской жизни. Гораздо больше его привлекают дикие, само-

бытные нравы и характеры, свободные от предрассудков. Этот интерес у Мериме — вовсе не праздное любопытство к разным историческим или этнографическим диковинам. В своих «этнографических» произведениях писатель ставит целый ряд острых, зачастую болезненных, проблем, с которыми столкнулась западноевропейская цивилизация в первой половине XIX века. Одна из них — проблема культурного самосознания западного общества в отношении к иным культурам, к иному мировосприятию.

О конфликте естественности и цивилизации, природы и социума идет речь в новелле «Кармен». Об этом Ю. М. Лотман отмечал в своей статье: «Для Меримо нет «просвещения», «предрассудков», а есть своеобразие различных культурных психологий, которое он описывает с объективностью внешнего наблюдателя» [3, 47].

Поскольку в новелле «Кармен» действия происходят в Испании, отличие образа цыганки у Мериме состоит в том, что она (как Пресьоса у Сервантеса) — *испанская* цыганка. Первое путешествие П. Мериме в Испанию состоялось в 1830 году, а уже в 1834 году была напечатана повесть «Души чистилища» и в 1837 году — повесть «Венера Ильская», свидетельствовавшая о глубоком изучении быта и нравов Испании. Естественно, путешествуя по Италии, Греции, Испании, Мериме, будучи чутким ценителем истории и искусства, изучал нравы и традиции этих стран.

Проспер Мериме был большим почитателем творчества А. С. Пушкина. «Цыганы» неоднократно переводились на французский язык. Одним из переводчиков стал Мериме. Работая с поэмой, он был поражен необыкновенной энергией следующих строк, не зная, что это была не цыганская, а молдавская песня:

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда; не боюсь
Ни ножа, ни огня.
Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя [7, 69].

Из песни Земфиры вырос образ цыганки Кармен, которую можно убить, но нельзя лишить свободы, принудить к любви. Н. Бессонов справедливо отмечает: «Проспер Мериме свернул с пути реализма, увлекшись “песней Земфиры”. В этих стихах он увидел квинтэссенцию цыганского женского характера, и воплотил его в покорившей мир новелле» [1, 57].

ОБРАЗ ЦЫГАНКИ КАРМЕН

Можно говорить о том, что образ испанской цыганки Кармен был создан в опоре на пушкинские традиции и на столь ярко нарисованный им образ бессарабской цыганки Земфиры. Однако в этих двух образах, несмотря на очевидное сходство, существует и заметное различие.

Обратимся к образу цыганки Кармен. В новелле он обрисован путем наслоения двух изображений героини, двух взглядов на нее — взгляда европейца-путешественника (рассказчика) и дон Хосе, неистово влюбленного в Кармен. М. Ю. Лотман писал: «Острота достигается тем, что литературная география Меримо неизменно воплощается в пересечении двух языков: внешнего наблюдателя-европейца (француза) и того, кто смотрит глазами носителей резко отличных точек зрения, разрушающих самые основы рационализма европейской культуры» [3, 47]. Но есть и третий взгляд, который, совмещая взгляды двух героев-мужчин, наблюдает за всем происходящим «сверху», объективно. Это — мнение автора.

В новелле Карменсита впервые появляется на набережной в Кордове. Здесь с ней знакомится рассказчик: «В волосах у нее был большой букет жасмина, лепестки которого издают вечером одуряющий запах. Одета она была просто, пожалуй, даже бедно, во все черное, как большинство гризеток по вечерам» [5, 341]. Юная цыганка поражает добропорядочного путешественника своей неординарностью и экстравагантностью. Для него она — всего лишь чуждое порождение другого мира, непонятное, загадочное, враждебное. Словом, этнографическая достопримечательность. Кармен вызывает у ученого француза интерес, смешанный с отчуждением и страхом: «То была странная и дикая красота, лицо, которое, на первый взгляд, удивляло, но которое нельзя было забыть. В особенности у ее глаз было какое-то чувственное и в то же время жестокое выражение, какого я не встречал ни в одном человеческом взгляде» [5, 343]. Рассказчик сравнивает ее взгляд с волчьим, что еще больше подчеркивает дикость и чуждость образа героини.

Более полный и яркий портрет Кармен рисует влюбленный в нее Хосе Наварро, который делится с рассказчиком историей своей роковой любви. Они познакомились, когда дон Хосе был еще солдатом, а Карменсита работала на фабрике: «На ней была очень короткая красная юбка, позволявшая видеть белые шел-

ковые чулки, довольно дырявые, и хорошенькие туфельки красного сафьяна, привязанные лентами огненного цвета. Она откинула мантилью, чтобы видны были плечи и большой букет акаций, заткнутый за край сорочки. В зубах у нее тоже был цветок акации, и она шла, поводя бедрами, как молодая кобылица кордовского завода» [5, 349].

Эксцентричность поведения Кармен пленила молодого солдата, а брошенный цветок акации довершил свое дело. Кармен кажется герою то колдуньей, то самим дьяволом: «Если на свете существуют колдуньи, то колдуньей была и эта девчонка!» [5, 354]. Она заставляет Хосе изменить солдатской присяге, вырваться из естественной среды. При этом Кармен предупреждает дон Хосе, что ему лучше забыть ее, пытается напугать его: «Знаешь, сынок, мне кажется, что я тебя немножко люблю. Но только это ненадолго. Собаке с волком не ужиться... Нет, мой мальчик, поверь мне, ты дешево отделался. Ты повстречался с чертом, да, с чертом; не всегда он черен, и шею он тебе не сломал» [5, 359].

Страсть сводит дон Хосе с ума. А непреодолимо влекущая, преступная и загадочная цыганка чужда любовнику так же, как и недолго ее наблюдающему путешественнику. Непредсказуемость героини, алогичность ее поведения, ее слова видятся Хосе враждебными проявлениями цыганского образа жизни, с которыми связаны и инфернальность Кармен, и суеверный страх молодого наваррца: «Ты дьявол, — говорил я ей. — Да, — подтверждала она» [5, 367]. Однако именно Кармен становится жертвой влюбленного героя, загнанного самим собой и обществом, довлеющим над ним, в рамки, которые лишены свободы. Своенравность, свободолюбие юной героини как представительницы цыганского народа, воплощающего естественность и вечную свободу человека, пугают героя, внушают желание подчинить себе эту страстность, загнать вольнолюбивый характер Кармен в понятные и знакомые рамки цивилизованности.

Конфликт влюбленных, столь ярко обрисованный А.С. Пушкиным в поэме «Цыганы», связан с трагическим обнаружением невозможности гармонии между социумом и природой, естественностью и цивилизованностью. Мериме в своей новелле поднимает данный конфликт на более высокий уровень — вечный антагонизм мужского и женского начал.

Обратимся к деталям. Когда Кармен впервые появляется перед рассказчиком на набережной, в волосах у нее «большой пучок жас-

мина», являющегося в восточной культуре символом женственности, чистоты и грации, в христианской — символом девы Марии. Пред доном Хосе Кармен предстает с большим букетом акации, которая в дохристианском и христианском искусстве также символизирует чистоту, бессмертие, святость, платоническую любовь.

Ночь и вода — это образы, сопровождающие героиню на протяжении всего рассказа. Кармен одета в красную юбку и белую сорочку — сочетание таких цветов в костюме символизирует смертную муку и очищение, кровь и женское начало. Совмещение святой женственности и соблазнительности, чистоты и дьявольской страстности расширяет образ Кармен до мифологического, сакрального значения. Она есть воплощение Вечной Женщины, женского начала, естественности, самой Природы, непредсказуемой и стихийной.

Убивая Кармен, дон Хосе (как Алеко в поэме «Цыганы») уничтожает мечту о свободе. Он убивает Кармен так же, как Цивилизация губит Природу. Но Вечная Женщина бессмертна, Природу нельзя убить, она существует вечно, она выше и чище: «Кармен всегда будет свободна. Calli она родилась и calli умрет» [5, 380]. Она навсегда останется Цыганкой, символизирующей свободу и естественность.

Итак, проанализировав яркие образы героини поэмы «Цыганы» и новеллы «Кармен», мы пришли к выводу, что писатели XIX века, опираясь на традицию предшествующих поколений (а именно, традицию Сервантеса) создали идеальный романтический образ Женщины-Цыганки, столь характерный для литературы того времени, но весьма отличный от образа классической романтической героини. Превеличивая многие реалии цыганской жизни, не зная о ней, по сути, почти ничего из-за ее закрытости и замкнутости, писатели создали образ цыганки такой, какой мечтали ее видеть, но которой в цыганской реальности не существовало.

Великие писатели XIX века создали не просто миф о цыганской женщине, как назвал этот феномен Н. Бессонов, а миф о совершенной женщине вообще, Женщине с большой буквы — страстной, своенравной, вольнолюбивой, желанной. Женщине, с которой ни один мужчина не смог бы жить.

А.С. Пушкин и П. Мериме создали миф о мировой женственности, природной и стихийной, инстинктивной и сакральной, которая вечно находится в конфликте с мужским, разумным, социальным началом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессонов Н., Деметер Н. История цыган. Новый взгляд.— Воронеж: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 2000.
2. Куприн А.И. Фараоново племя // Полное собрание сочинений А.И. Куприна. — СПб.: Издание Т-ва А.Ф. Маркс, 1912. — Т. 7.
3. Лотман Ю.М. Современность между Востоком и Западом // Знамя, 1997. — № 9.
4. Маркевич Б. Цыганка Таня // Чудеса и приключения, 2008. — № 2.
5. Мериме П. Кармен // Избранное. Новеллы. Хроника царствования Карла IX. — М.: Изд-во «Правда», 1986.
6. Мурьянов М. Ф. Пушкин и цыгане // Пушкин и Германия. — М., 1999.
7. Пушкин А. С. Цыганы // Сочинения в 3-х т. — М.: «Художественная литература», 1986. — Т. 2.